

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316.3

Ж.Т. Тощенко

**ФАНТОМЫ
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Дан анализ специфического феномена общественного сознания и поведения, который автор называет фантомами. Под этим понятием имеются ввиду явления, которые олицетворяют специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы. Носители этих форм активности обладают гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, неограниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе). В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками они представляют весьма специфический ряд политических и общественных деятелей, представителей финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в со-

Zh.T. Toshchenko

**PHANTOMS
OF CONTEMPORARY
RUSSIAN SOCIETY**

The author analyzes a specific phenomenon of public consciousness and behavior; he calls it phantoms. In the author's view, phantoms are the phenomena that represent specific, sometimes abnormal or extravagant forms of social (public) activities and have a major impact on political, economic and social processes. Those involved in such activities have hypertrophied social characteristics (i.e., they have exorbitant lust for power, unlimited desire to possess wealth, painful desire for fame). In conjunction with personal socio-psychological characteristics they represent a very specific range of political and public figures, representatives of financial oligarchy. Their emergence was made possible in the pivotal era of fundamental political and economic reforms in modern Russia.

временную переломную эпоху жизни России, в условиях коренных политических и экономических преобразований.

Ключевые слова: *фантомы общественного сознания, парадоксы, центавр-проблема, фантомные личности, процессы и явления.*

Тощенко Жан Терентьевич

Член-корреспондент Российской академии наук, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН (г. Москва)
E-mail: zhantosch@mail.ru

© Тощенко Ж.Т., 2014

Key words: *phantoms of social consciousness, the paradoxes, the centaur-problem phantom personalities, processes and phenomena.*

Toshchenko Zhan T.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of «Sociological Research», Dean of the Faculty of Sociology at Russian State Humanitarian University, Senior Researcher at the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow)
E-mail: zhantosch@mail.ru

© Toshchenko Z.T., 2014

Введение

История постсоветской России уникальна в самых различных отношениях, в том числе с точки зрения появления общественных феноменов – фантомов, которые наглядно проявляют себя в условиях, когда в обществе происходят кардинальные качественные изменения. Если в условиях относительно стабильного общественного развития эти явления и процессы существуют в латентном, скрытом виде, то в условиях краха стабильности, слома экономических и политических институтов они как всполохи возникают и гаснут, но последствия их воздействия нередко значительны, а иногда и губительны для развития и функционирования общественного организма. Действия этих фантомов часто ведут к потрясениям, изменениям в судьбах миллионов людей, деформируют общественное сознание, порождают деформирующие последствия. Это наглядно продемонстрировала постсоветская Россия, породив множество таких образований, которые, казалось бы, выпадают из логики общественного развития.

Особенно поразительна в этом отношении история России в 1990-е гг., которые нередко называют «лихие 90-е», когда появились специфические формы общественного сознания и поведения – фантомы разного масштаба и калибра. Как заметил известный публицист Ю. Богомолов, когда рухнул советский строй, появилась «как в сказке – чертовщина с первыми петухами. Первым откуда-то взялся Кашпировский с его сеансами целительной силы. Затем на нас свалился Жириновский с его политической клоунадой, потом Мавроди с его финансовыми фокусами, вслед Невзоров и Доренко с их информационными медитациями. За ними на

общественном поприще появилось совершенно паранормальное явление – олигарх Борис Березовский» [1]. Что касается последнего, то он «такой же символ 1990-х, как Борис Ельцин, Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Михаил Ходорковский» [2].

Такие колоритные фигуры и своеобразные всплески на общественном поле России не остались незамеченными: в политической риторике понятия «фантомы», «кентавры» стали применяться к некоторым экстравагантным фигурам современной общественной деятельности и эксцентричным игрокам политической сцены. Этот класс явлений можно сравнить со своеобразными протуберанцами, возмущающими политическое и общественное пространство. Кто только не «прокукарекал» за 1990-2000-е гг. в политике и экономике, и даже культуре, а потом сгинул, оставив после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память о себе.

На этот феномен обратили внимание, прежде всего, многие публицисты, описав отдельных персонажей или отдельные случаи и ситуации в жизни общественной жизни постсоветской России. Однако этот феномен – фантомы – не получил еще должного философско-социологического анализа, что побудило автора разобраться в этом уникальном явлении. Его познание представляет собой не только научный, но и социальный интерес.

Что касается научного интереса, то, во-первых, анализ данных ситуаций вскрывает глубинные причины, которые порождают эти феномены. Представление о них позволяет квалифицировать скорее как травмирующую (а не революционную или эволюционную) ситуацию, на что обратил внимание П. Штомпка [3]. Ситуация социальной травмы дает основание считать, что в недрах общества происходят процессы, которые имеют под собой другие основания, чем это происходит в процессе революции или эволюции. Но так как эволюционный и революционный путь преобразования общества сравнительно полно исследован и описан, то ситуация с обществом травмы или травмированным обществом остается неисследованной, а потому во многом неопределенной и неясной. Но даже беглый обзор причин, почему мы можем назвать общество травмированным, позволяет охарактеризовать и выявить такие черты и штрихи, которые при традиционном анализе общества или не замечались, или на них не обращалось внимания, или они выпадали из ранее принятого логического анализа. Ведь очевидно, что фантомы и их производное – фантомные личности – не могли быть генеральной тенденцией, ведущей характеристикой в условиях стабильного устойчивого развития. Именно поэтому мы считаем необходимым ввести в научную лексику и понятие общества травмы или травмированного общества.

Значительный научный интерес, во-вторых, представляет и тот факт, что анализ фантомов серьезно обогащает наше знание об общест-

венном сознании, о специфических формах их проявления, на которые по тем или иным причинам не обращалось должного внимания. В социальной философии обычно делались обобщающие выводы о его состоянии, об основных закономерностях его развития, сознательно игнорируя все то, что можно отнести к отклонениям и случаям проявлениям его деформаций. В социологии общественное сознание в основном исследовалось в рамках определенных социальных институтов и социальных групп, что позволяло выявить ведущие характеристики этих образований и на этой основе давать обобщающие выводы и рекомендации по их состоянию и тенденция развития. Но и в этих исследованиях не обращалось внимание на такие процессы, которые не только в стабильном, но и в парадоксальном обществе, на первый взгляд, представлялись единичными феноменами, и поэтому исключались из научного анализа.

По этой же причине – это случайное, мало значимое и не влияющее на все общественное развитие явление в поведении и деятельности людей, позволяло при анализе социальной практики также исключать из рассмотрения фантомы, которые не могут, дескать, повлиять на общественную жизнь, на ее развитие и функционирование. Между тем, именно попытка исключить из анализа такие феномены и процессы серьезно обедняло наши представления о состоянии общества и проблемах его развития. Особую значимость приобретает и включение в этот анализ понятия «текущая повседневность», которая, по мнению, З. Баумана, дает возможность взглянуть в глубинные процессы так, что вывод о влиянии фантов на повседневную практику приобретает принципиально новые очертания.

Исследование фантомов плодотворно коррелирует с такими феноменами общественно сознания и социальной практики как парадоксальный человек и кентавр-проблема [4; 5]. В данном случае фантомы общества травмы представляют один из специфических вариантов парадоксальности, когда в ней сочетаются на первый взгляд различные, часто противостоящие друг другу тенденции, но которые, в конечном счете, образуют реально функционирующие типы личности, не замечающие этого противоречия. Что касается кентавристики в жизни российского общества, то это еще одна из граней травмированного общества, которое наглядно демонстрирует возможность существования таких явления и процессов, которые можно охарактеризовать как «совмещение несовместимого» и «сочетание несочетаемого».

К вопросу о понятийном аппарате

Слово «фантом» в словаре В.И. Даля объясняется как картина или явление фантасмагории, как кукла, на которой изучают повивальное искусство [6, с. 532]. На первом значении сосредотачивает свое толкование С.И. Ожегов, трактуя фантом как «причудливое явление, призрак» [7,

с. 848]. «Академический словарь русского» и «Новый словарь русского языка языка» фантом трактуют в трех смыслах: призрак, привидение; вымысел, игра воображения; модель тела или части его в натуральную величину, служащая наглядным пособием [8, с. 513; 9, с. 892]. В «Психологическом словаре» и «Универсальном словаре иностранных слов русского языка» представление о фантомах связывается с фантомными болями в послеоперационном или последующем этапе жизни после контузии, ранения, операции, когда нет, например, руки или ноги, но человек в определенные моменты чувствует их через боль как реально существующие [10, с. 388-389; 11, с. 603]. И хотя последнее определение апеллирует к узко-профессиональному лексикону (в данном случае к медицинскому), мы сталкиваемся с особым явлением, когда физической реальности нет, но, в то же время, ее мнимое существование является объективной реальностью, так как приносит вполне осязаемые переживания и чувства. Практически аналогично протекают и фантомные воспоминания о некоторых событиях в жизни человека, когда они заставляют болезненно переживать с такой же нестерпимой остротой, как и в момент их проявления в прошлом.

Иногда к разряду фантомов относят возникновение, существование и функционирование различных мистических обществ и организаций, внутренняя жизнь которых остается тайной не только для современников, но и для последующих поколений. А если случайно приоткрывается их жизнь, то ровно настолько, чтобы вызвать догадки и предположения, лишь усугубляющие атмосферу таинственности [12].

К этому набору определений нельзя относиться как к исчерпывающему объяснению всего многообразия этих специфических процессов и явлений в окружающем нас мире. Особенно, если мы приступаем к объяснению событий и в общественной жизни.

В настоящее время в реальной научной и политической лексике термин «фантом» стал все чаще использоваться для интерпретации процессов и явлений как выпадающих из обычного, принятого, признанного течения экономической, политической, социальной и культурной жизни. Употребление этого понятия в современной жизни вышло далеко за рамки того смысла, которым пользовались ранее. Во-первых, это понятие ряд исследователей относит к странам (например, объясняется, что режим талибов в Афганистане был фантомом, явлением особенным, не стандартным, не укладывающимся в типичные представления о государстве). Некоторые аналитики политической жизни считают, что существование таких стран как Венесуэла, Никарагуа, Камбоджа на определенных этапах их развития представляли собой фантомы, которые олицетворяли весьма специфические и неприемлемые мировым сообществом формы политического правления и соответственно устройства общественной жизни [13]. К фантомам относят существование таких специфических государственных образова-

ний как Приднестровская республика, которая никем не признана, но, тем не менее, функционирует как самостоятельное политическое явление. Своеобразный фантом представляет собой Нагорный Карабах, который существует как самостоятельная республика со всеми атрибутами независимой страны (президент, правительство, армия и т.д.) и в то же время как некий симбиоз с Арменией, во всем её поддерживающей. Очевидно, что это не может продолжаться вечно. И это признается даже странами, участвующими в конфликте – Азербайджаном и Арменией.

Во-вторых, к фантомам исследователи относят «существование» многих политических партий. К примеру, в первой половине 1990-х гг. создавали информационный шум и примитивный, «кухонный» гвалт (не более) политические партии Константина Борового, Валерии Новодворской, Льва Убожко и другие мифические образования. Затем появился целый ряд «демократических партий», организованных теми или иными деятелями, относящих себя к либеральному фронту. В 1990-х гг. были «свои» партии у каждого претендента на лидерство: у Немцова, у Кириенко, у Хакамады, у Юшенкова и т.д. Кроме того, существовало множество (число их доходило до 180) партий, назначение которых не всегда было ясно даже для их создателей. Эти партии-фантомы на деле никого и ничего не представляли. В лучшем случае они выражали настроение некоей столичной «тусовки» и амбициозных до болезненности людей. Они только засоряли политическое пространство страны, дискредитировали само предназначение политических партий как социальных институтов, дезориентируя общественное мнение. Лидеры этих «партий» изо всех сил стремятся привлечь к себе общественное внимание. При нашей дикой политической культуре и такой же дикой журналистской этике достаточно сказать что-то тоже дикое, несуразное, чтобы появиться на голубом экране и на газетных полосах [14].

События начала XXI века подтвердили прогноз о фантомности этих партий. О них не только никто не вспоминает, но о них забыли и сами «вожди», многие из которых бесславно и бесследно исчезли как всякая чертовщина в сказке после первых петухов, либо превратились в малозначительных, но иногда еще шумных фигур политического балагана.

В-третьих, фантомы особо наглядно стали проявляться в политической борьбе, в процессе избирательных компаний, когда в списках кандидатов в депутаты, мэров и губернаторов появляются двойники-однофамильцы, что позволяет им не просто отнимать определенное количество голосов от реального кандидата, но даже занимать 3–4 места по итогам голосования. Такие методы оболванивания избирателей достигаются при помощи умышленного сознательного создания фантомных образов, которые имеют реальные результаты и оказывают реальное воздействие на ход избирательной компании [15].

В-четвертых, фантомность присуща и области правовых отношений, законодательства. Как отмечают специалисты, запрет на дискриминацию в том виде, в котором он существует в российском законодательстве, можно смело относить к разряду фиктивных прав, или прав-фантомов, поскольку он, по мнению, например, М. Левиной, «практически лишен содержания, не расшифрован в законодательстве и не применяется на практике». В конечном счете, это одна из причин формирования в России «иерархии граждан с различным уровнем правового статуса» [16, с. 40].

В-пятых, феномен фантомов используют в идеологической борьбе. Как утверждает В. Сендеров, при идеологической обработке умов огромное значение имеет терминология: фантомные понятия рождаются и набирают силу именно в языке. Это всегда так, но особенно при выработке тоталитарных идеологий: в этом случае удачный выбор терминов, слов – во многом залог победы. Однако такой выбор вовсе не прост: слова-«удачники» должны обладать набором далеко не тривиальных качеств, в частности, они должны быть практически неуязвимы для критики. Для этого фантомные понятия должны, во-первых, «почти адекватно» описывать реальность. Так, чтобы не было возможности назвать их просто вздором, а критика требовала бы содержательных и небыстрых объяснений – и оказывалась, тем самым, абсолютно неэффективной в борьбе за умы. Далее, всепобеждающие слова должны выбираться так, чтобы их критика казалась предосудительной морально, и таким образом, до ревизии, даже малоэффективной, дело бы просто не доходило [17, с. 210].

Так, в советское время население поголовно веровало в деление мира на социализм и капитализм. При этом социалистический мир, что бы в нем ни происходило, был безусловно лучше капиталистического, поскольку в нем отсутствовала эксплуатация человека человеком. Эти глобальные фантомы дополнялись не менее значимыми: в идеологической работе КПСС интенсивно использовались такие клише как «строительство коммунистического (развитого социализма) общества», «социальное равенство», «прогрессивное человечество», которые по своей сути были идеологическими фантомами, но они увлекали миллионы людей, хотя они оказались призраками, не выдержавшими испытания исторической действительностью.

Фантомность в идеологии нового российского государства также довольно четко прослеживается. Как пишет поэт и публицист И. Голубничий «главная трагедия современного российского общественного сознания (в целом, включая все социальные слои) состоит в том, что настоящая, реальная жизнь у нас, вольно или по чьему-то умыслу, всегда оказывается подчиненной тем или иным умозрительным построениям, которые к тому же чаще всего оказываются несостоятельными. Рассуждая (часто некомпетентно и безответственно) о том, что должно быть, мы забываем о том, что

реальная жизнь вовсе не обязательно должна соответствовать нашим измышлениям и идет по своим неведомым законам» [18, с. 118].

Противоречия между реалиями жизни и самыми «лучшими» концепциями порождают фантомы идеологического характера. Так, в 1990-е гг. и поныне в массовое сознание упорно вколачивалась мысль, что «свобода слова» является необходимым и неизбежным условием всяческого «прогресса». В результате средства массовой информации были оккупированы полубразованными, озлобленными и зачастую невменяемыми людьми; и то общественное мнение, которое ими формировалось, вполне соответствует нашему деморализованному и ожесточенному сознанию.

Самым поразительным во всем этом было то, что за «свободу слова» более всего ратовала значительная часть литераторов и журналистов, то есть людей, которые как никто другой должны были понимать, что слово – это оружие огромной силы, разрушительной или созидательной в зависимости от того, в чьих руках оно находится. Это все равно как если бы профессиональные военные ратовали за свободное пользование военной техникой. В результате сложилась ситуация, когда знаменитая степень доверия людей к печатному слову упала практически до уровня ее отсутствия, а профессии литератора и журналиста оказались низвергнутыми из сферы творчества в сферу obsługi частных интересов и манипулирования общественным сознанием и пользуются вполне заслуженным стабильным презрением у простых людей. Со временем многие сторонники «свободы слова» на себе испытали ее воздействие: их вышвыривали (или отказывались от их услуг) тогда, когда собственникам по тем или иным причинам не нравилась позиция пишущего человека. Кроме того, эта «свобода слова» оказалась свободой слова для избранных, ибо любая попытка высказать свое мнение не для «допущенных» к данному «котлу» пресекалась самым жестоким образом. И наконец, эта свобода стала мощным средством для манипулирования. Это ли не пример фантома, которого нет, но как фантомная боль продолжает существовать?

В-шестых, феномен фантома не обошел науку, выразился в многочисленных попытках: 1) вернуться к различным видам паранаучного и псевдонаучного знания; 2) ревизовать социальное и гуманитарное знание. Что касается паранаучных фантомов, то они возродились в виде многочисленных измышлений об НЛО, о вечных источниках энергии, о новых перпетум мобиле и т.д. и т.п., которые, как и ранее, не выдерживают испытания ни логикой научной мысли, ни тем более экспериментальными работками. Так, фантомность мышления проявилась в претенциозных и небескорыстных поступках получить «чистую воду» неким психологом Петриком всего за 50 млрд долларов (за счет государственного бюджета), чтобы обеспечить каждого жителя России этой живительной влагой. Другим вариантом такого случая является исторические упреждения Фоменко и

его учеников, которые так квалифицируют деятельность всех представителей исторической науки: «...они несколько сот лет неизвестно чем занимаются. Сколько книг, сколько диссертаций впустую. Сколько сил потрачено на изучение “фантомных”... событий». ... «В традиционной исторической науке преобладает строго определенный, заранее заданный и, можно сказать, субъективный подход к осмыслению событий прошлого» [19, с. 11, 22]. Но в свою очередь они создают свои фантомы, которые не выдерживают элементарного сопоставления не только с работами историков последних столетий, но всей известной истории человечества. Кстати, следует отметить, что в реальном общественном сознании эти опусы оцениваются достаточно здраво: они воспринимаются не как реальная история, а как некие фантазии и даже приключения на историческую тему.

И, наконец, понятие «фантом» употребляется при объяснении как реальных, так и чисто гипотетических проблем в сфере культуры. Так, С. Земляной, анализируя творчество Георга Лукача и Бертольда Брехта, считает, что они волей-неволей в 1930-е гг. способствовали рождению фантома в виде советской литературы, что нашло отражение в письме Б. Пастернака Н. Асееву: «Отличие современной советской литературы от всей предшествующей, кажется мне, более всего в том, что она утверждена на прочных основаниях независимо от того, читают ее или не читают. Это – гордое, покоящееся в себе и самодовлеющее явление, разделяющее вместе с другими государственными установлениями их незыблемость и непогрешимость». Литература, которая не зависит от превратностей чтения, – это сильно, хотя и непонятно: современность живет под знаком смерти автора и диктатуры читателя». По мнению С. Земляного, такое состояние подходит к понятию фантом или кентавр социалистического реализма, в котором соединились как идеологические, так и эстетические потребности. Но именно их ущербность и привела к тому, что данный феномен исчез, так и не выдержав испытания временем, хотя оно оказалось достаточно продолжительным [20].

Иногда понятие фантомов используется и при анализе проблем художественной культуры, анализе способов и методов объяснения тех или иных литературных произведений. Так, при рассмотрении «Пиковой дамы» с позиций сравнительного анализа подхода А.С. Пушкина и П.И. Чайковского современный исследователь А. Хомутов рассуждает о призраках и фантомах этой оперы, высказывая сугубо личное отношение к целому комплексу вопросов: и содержанию, и трактовкам, и даже издательским усилиям [21].

Итак, обзор различных трактовок и представлений о фантомах в общественной жизни позволяет определить их как: 1) необычное явление, имеющее исключительную специфическую форму своего проявления; 2) аномальное явление, не вписывающееся в привычные, одобряемые об-

ществом формы организации социальной жизни; 3) резко деструктивные процессы, тормозящие или дискредитирующие существующие правила функционирования; 4) не просто несопадающие действия, а конфронтрующие с окружающей реальностью, умышленные, провоцирующие акции; 5) противоречия между желаемой и реальной жизнью, когда субъективные устремления противостоят объективным тенденциям общественного развития.

***Суть и содержание фантомов
общественного сознания и поведения***

Данный обзор точек зрения, которые отражают осмысление особенных казусов различных экономических и политических реалий, мало или совсем не касается такого специфического явления как фантомы общественного сознания и поведения характерных для значительной группы политиков и общественных деятелей, представителей финансово-экономических клик, функционеров СМИ, которые олицетворяют некие всплески, некие аномальные явления, характерные для 1990-х гг. Иначе говоря, понятие «фантом» в настоящее время серьезно изменилось и включает в себя достаточно разнообразный класс процессов и явлений в общественной сознании и поведении.

Во-первых, появились мистики, серийные убийцы с философским складом ума, упыри-насилыники, наемные киллеры, количество которых значительно возросло, хотя их появление с трудом поддается объяснению. В этой связи некоторые исследователи считают своей «сверхзадачей в творчестве раскрытие тех внутренних бездн, которые таятся в душе человека» [22]. Во-вторых, появились фантомные лица на политическом и общественном поприще. Кто только не занимался эпатажем за последние пятнадцать лет в политике и экономике, а потом сгинул, не оставив никакой памяти о себе. А ведь некоторые из них занимали умы россиян и были в первых строчках при исследовании общественного мнения. Поэтому не удивительно, когда опрос студентов РГГУ в 2001 г. показал, что 17-20-летние уже никак не реагируют на такие имена как Бурбулис, Шахрай, Шумейко и т.д., которые в недавнем прошлом вершили судьбы страны. В принципе это понятно – в начале 1990-х гг. нынешние студенты были детьми, и их не заботили «взрослые» гражданские проблемы. Но почему названные деятели внезапно появились и почему также стремительно исчезли со страниц текущей истории общества и государства, предстоит осмыслить. Мы вправе задуматься и попытаться выяснить сущность и латентные причины, приведшие к появлению этих фантомов в российской жизни вообще и особенно в политике.

Что касается причин, то появлению фантомов общественного сознания и поведения способствовали объективные тенденции развития рос-

сийского общества. Распад СССР привел к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей десятков миллионов людей. Исчезла не только страна – исчезла база того мировоззрения, на которую опирались люди в своем взаимодействии с обществом, с государственными и производственными организациями, с коллегами, друзьями, соседями по месту жительства, со всем окружающим миром. Это привело к тому, что произошло изменение сознания людей, явный или скрытый отказ от многих ценностей и установок, с которыми они жили ранее. Но мировоззрение как ключевое звено в сознании достаточно консервативно: оно продолжает аккумулировать в себе приверженность к прошлому, одобрение и критику настоящего и неуверенность в будущем, вернее, в способах реализовать цели, намерения и интересы.

С другой стороны, происходящие изменения, связанные с приходом в нашу жизнь рыночных отношений, породили и стимулировали появление таких людей, которые в силу личностных социально-психологических особенностей увидели в изменившейся обстановке возможность не просто изменить свою жизнь, а претендовать на более высокий общественный статус, официальное положение и признание. Часто это происходило в условиях неадекватной оценки собственных возможностей и способностей, что только обостряло ситуацию в виде претенциозных высказываний и действий, экстравагантных притязаний на исключительность и гениальность. Нередко такое сознание и поведение диктовалось желанием компенсировать свое прежнее непризнание (как они считали) в советском обществе и поэтому претендовали не на просто реабилитацию, а на возмещение прежних, как им казалось, унижений и ущемлений и зачастую – на всеобщее признание и восхищение их прежним «героизмом».

Что касается содержания этого явления, то в условиях неустойчивых общественных процессов, в ситуации кризиса, в силу сложившихся обстоятельств эта категория фантомных персонажей характеризуется следующими чертами: а) особой позицией по отношению к основным или отдельным, но важным проблемам политической жизни; б) стремлением пробиться (или обладать) капиталом (финансовыми ресурсами); в) жаждой навязать свое видение общественных проблем и даже осуществить попытки его реализации; г) претензией на обладание славой – действительной или мнимой, виртуальной или случайной.

Не следует сбрасывать со счета и такую характеристику, как наличие амбициозных целей, выражающихся в особенных характеристиках их личности. Иначе говоря, данная категория людей демонстрирует особое явление в общественной жизни, некие фантомы, протуберанцы, которые вырываются на относительно уравновешенном поле общественного сознания в виде исключительных и специфических явлений, «возмущающих» своим поведением, своими действиями общественную жизнь, но в то же

время навязывающих обществу свое видение и свое понимание изменений, происходящих в нем. Их деятельность оказывает немалое (в ряде случаев значительное) влияние на принципиальные, основополагающие вопросы устройства государственной и общественной жизни. Но научный интерес представляет мировоззрение не всех категорий политических, экономических и других деятелей, а тех из них, кто обладает специфическими характеристиками, заключающимися, во-первых, в том, что их поведение полностью (или значительно) не совпадает (и даже противоречит) с тем, что интересует и волнует население страны, во-вторых, предложением (и даже осуществлением) таких действий, которые как минимум можно назвать эпатажными (если не сказать еще определеннее и жестче), в-третьих, в специфических личных особенностях.

Продолжение в № 2 2014 г.

Литература

1. Известия. 2001. 10 сентября.
2. Известия. 2006. 23 января.
3. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.
4. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2009.
5. *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М., 2012.
6. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991.
8. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1984.
9. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. М., 2000.
10. Психологический словарь / Под ред. А.А. Давыдова и др. М., 1993.
11. Универсальный словарь иностранных слов русского языка. М., 2000.
12. *Никитин А.Л.* Мистики, ро-

References

1. Izvestiya. 2001. 10 sentyabrya.
2. Izvestiya. 2006. 23 yanvarya.
3. *Shtompka P.* Sotsialnoye izmeneniye kak travma // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2001. № 1.
4. *Toshchenko Zh.T.* Paradoksalnyi chelovek. M., 2009.
5. *Toshchenko Zh.T.* Kentavr-problema (opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza). M., 2012.
6. *Dal V.* Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. T.4. M., 1994.
7. *Ozhegov S.I.* Slovar russkogo yazyka. M., 1991.
8. Slovar russkogo yazyka / Pod red. A.P. Yevgenyevoy. T. 4. M., 1984.
9. Novyi slovarj russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy. T. 2. M., 2000.
10. Psikhologicheskii slovar / Pod red. A.A. Davydova i dr. M., 1993.
11. Universalnyy slovar inostrannykh slov russkogo yazyka. M., 2000.
12. *Nikitin A.L.* Mistiki,

зенкрейтсеры и тамплиеры в Советской России: исследования и материалы. М., 2000.

13. Известия. 2001. 22 сентября.

14. *Кива А.* Ближится конец «партий мертвых душ» и «партий-фантомов» // Независимая газета. 2001. 9 февраля.

15. Известия. 2001. 9 ноября.

16. *Петухов В.В., Пахомов Е.И., Седова Н.Н.* Права человека дискриминационные практики в современной России // Общественные науки и современность. 2003. № 5.

17. *Сендеров В.* Фантомы языка и политика // Вестник Европы. 2003. Т. 7–8.

18. *Голубничий И.* Фантом идеологии // Предпринимательство. 2003. № 3.

19. *Бочаров Л.И., Ефимов Н.Н., Чачух И.М., Чернышев И.Ю.* Заговор против русской истории (факты, загадки, версии). М., 1998.

20. *Земляной С.* Лукач и Брехт как советские писатели // Независимая газета. 2002. 14 ноября.

21. *Хомутов А.* Сравнительный анализ. СПб, 2003.

22. Версия. 2001. № 19.

rozenkrejtsery i tampliyery v Sovetskoy Rossii: issledovaniya i materialy. M., 2000.

13. Izvestiya. 2001. 22 sentyabrya.

14. *Kiva A.* Blizitsya konets «partiy mertvykh dush» i «partiy-fantomov» // Nezavisimaya gazeta. 2001. 9 fevralya.

15. Izvestiya. 2001. 9 noyabrya.

16. *Petukhov V.V., Pakhomov Ye.I., Sedova N.N.* Prava cheloveka diskriminatsionnyye praktiki v sovremennoy Rossii // Obshchestvennyye nauki i sovremennost. 2003. №5.

17. *Senderov V.* Fantomy yazyka i politika // Vestnik Yevropy. 2003. t. 7-8.

18. *Golubnichiy I.* Fantom ideologii // Predprinimatelstvo. 2003. №3.

19. *Bocharov L.I., Yefimov N.N., Chachukh I.M., Chernyshev I.Yu.* Zagovor protiv russkoy istorii (fakty, zagadki, versii). M., 1998.

20. *Zemlyanoy S.* Lukach i Brekht kak sovetskiye pisateli // Nezavisimaya gazeta. 2002. 14 noyabrya.

21. *Khomutov A.* Sravnitelnyy analiz. SPb, 2003.

22. Versiya. 2001. № 19.